

Сергей Бурдыгин

*Черновик мира.
Отставшие
от времени*

Сергей Бурдыгин

**Черновик мира.
Отставшие от времени**

«Издательские решения»

Бурдыгин С.

Черновик мира. Отставшие от времени / С. Бурдыгин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832601-1

Герои этой повести — Светлана и Борис — собираются вместе с дочерью провести отпуск на море. Но билеты есть только на проходящий поезд, к тому же ещё и дополнительный, который увозит их совсем не на курорт. Пассажиры попадают словно в ответвление от общего развития мира. Здесь им встречаются дикие монстры-агры, слепые суо, политики и коммерсанты, которых в привычном мире считают умершими. В довершение всего в странном мире пропадает их дочь Маша...

ISBN 978-5-44-832601-1

© Бурдыгин С.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть первая	9
Глава первая	9
Ночь с бомжом	18
Рассказ полковника	20
Агр	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Черновик мира. Отставшие от времени

Сергей Иванович Бурдыгин

© Сергей Иванович Бурдыгин, 2017

ISBN 978-5-4483-2601-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Хорошо, что она была в кроссовках. В них убежать было очень удобно, если уместно вспоминать о каком-то комфорте в этой ситуации. Боже, как она их ненавидела там, в уютной домашней жизни, где, конечно, были свои страхи, обиды, была и боль изредка., это когда вдруг ночью резко заночует зуб или прихватит поясницу. Но что такое была эта ноющая поясница, эти размытые сновидения по сравнению с тем, что происходило сейчас, здесь, настоящей живут не только страшные водяные и лешие, но и добрые гномы, которые обязательно помогают, когда становится совсем плохо. Здесь было плохо, очень плохо, плохо чрезвычайно, но помочь было некому. Не было в этом проклятом лесу добрых гномов и бородатых старых волшебников, поэтому единственное, что её сейчас могло выручить, если могло вообще, – это кроссовки. Те самые, которые подарил ей на день рождения отец, и которые показались ей аляповатыми, детскими, похожими на мягкие розовые пинетки для грудничков. Отец всегда считал её маленькой, в том числе и теперь, когда она уже заканчивала институт и многие её сверстницы выходили замуж, а некоторые успели родить детей, причём, даже не всегда, состоя в законном браке. Про этот будущий законный брак отец твердил ей практически неустанно, с невероятным своим солдафонским занудством, – и это, несмотря на то, что он до сих пор считал её ребенком, поэтому и подарил такие глупые кроссовки.

И вот теперь эти кроссовки спасали ей жизнь.

Девушка бежала по узкой звериной тропе, стараясь не сбить дыхание, не споткнуться о корни деревьев, в конце концов, просто не оцепенеть от страха, – она читала, что такое тоже случается. А за спиной что-то утробно рычало, сморкалось, чем-то хлюпало и очень старалось её догнать. Правда, это что-то было не особенно ловким, но зато наверняка оказалось слишком крупным для этой узенькой тропы, потому что оно бежало, ломая ветки деревьев, и часто спотыкалось. Только эта неуклюжесть и давала ей возможность немного оторваться. Но она понимала, что такой гандикап выпал ненадолго, – она уже чувствовала, что начала уставать, и дышать стало труднее, сам воздух был уже горячим и обжигающим внутренности, а ещё немного, начнут тяжелесть и ноги, даже в этих мягких удобных, почти спасительных кроссовках. Господи, да придет ли оно, спасение?

ХЛЮП! ХЛЮП!

Оно догоняло. Было слышно, как оно догоняло, и его дыхание, наверняка зловонное, отвратительно, до тошноты зловонное, становилось всё ближе и ближе. Скоро оно настигнет её и схватит. Только бы оно убило её сразу, свернуло бы ей, например, голову, она видела такое в боевиках, когда человек умирает почти мгновенно, словно курица, которую собираются приготовить к обеду. Интересно, – тому, что её догоняло, она тоже нужна только для трапезы? Или оно ещё надругается? Или, например, не будет её лишать жизни сразу, а, догнав и сбив ударом лапы вниз, на холодную землю и прелые листья, сначала вырвет у неё, ещё живой, ещё чувствующей всё, печень, и начнёт её жрать, терзать зубами, и, возможно, она всё это ещё будет видеть. Она где-то читала, что хищные звери любят сразу съесть свежую печень только что убитой жертвы, так же, кажется, делают и людоеды. Да что людоеды, – она помнит, что отцу рассказывал подвыпивший знакомый, бывший тюремный надзиратель, как однажды сокамерники убили своего товарища и сварили его печень, а потом её съели. Отец тогда рассмеялся и сказал, что это просто тюремные байки.

Байки... Знал бы он, что в мире бывает и похуже.

ХЛЮП! ХЛЮП!

Неужели, оно не может устать? Неужели не может наткнуться глазом или чем-нибудь ещё на какую-нибудь ветку и упасть, завыв от боли и позабыв о том, что она убегает где-то впереди по ночной звериной тропе? Еще Кант говорил, что человек может испытывать какие-то

желания, только не чувствуя страха. Господи, при чём тут Кант? Ему наверняка не доводилось испытать и части чего-то подобного. Когда ты не просто борешься за жизнь, добиваясь успеха в учебе, на работе или спорте, чтобы забраться куда-нибудь повыше. Повыше... Если бы оно чуть-чуть поотстало, можно было бы попытаться забраться на какое-нибудь высокое дерево. Но, во-первых, у неё вряд ли получится. Она никогда не отличалась особой ловкостью, даже на уроках физкультуры падала с брусьев под общий смех, и громче всех смеялся, конечно же, Андрюшка Маканин, она подсознательно выделяла этот его смех из общего гама, и это было даже обиднее упрёков учителя. А ведь сам этот учитель был тоже явно не Рэмбо – маленький, толстенький и противно местами лысеющий. Такому изо всех видов спорта разве что шашки выбирать. До шахмат не дотянет, кёрлинг тоже сноровки требует...

Да при чём тут кёрлинг! С ума сойти можно. Так, как советовал один знакомый спортсмен, дыхание – два коротких вдоха, два выдоха, и в этом ритме постоянно. И думать только не о дистанции. (Славная тут тренировочная дорожка, правда?). Только не о том, что оно сейчас догонит. Например, об Андрюшке Маканине. Он теперь не Андрюшка, он – Андрей Константинович, преуспевающий работник банка, отец двух дочерей и давно уже абсолютно безразличный ей человек. Интересно, что бы он делал, оказавшись в такой ситуации? То же бы хохотал? Да нет, он, Андрюшка, уже в детстве был рассудительным, мудрым, он не дал бы себя так обвести вокруг пальца. И, следовательно, не бежал бы сейчас ночью по звериной тропе.

ХЛЮП! ХЛЮП!

Если оно такое большое, как кажется, то почему оно её не догнало раньше? Может, играет, словно кошка с мышкой? Может быть, оно вовсе не за ней охотится? Так, начинается явное помутнение рассудка. Это от отчаяния, наверное. Когда она была совсем маленькой, они жили в коммунальной квартире. Тогда они часто переезжали из-за службы отца, и порою жить приходилось в таких закоулках страны, которые даже на самой детальной карте не отыщешь. А уж чем закоулистее закоулок (словосочетание-то какое в голове всплыло, точно что-то в сознании не так), тем хуже там ситуация с жильём, это она уже тогда понимала. Так что коммуналка в её биографии была уже с малолетства. Но именно тогда в её жизни происходило много доброго. Они часто играли с соседом дядей Яшей, который оставался вместе с ней дома, когда отец с матерью уходили на работу. То, что все взрослые люди в этом городке работали, даже дяди Яшина жена, вечно суровая тётя Нелли, а сам он нет, её тогда нисколько не волновало. Играли они в путешественников на необитаемом острове, в заблудившихся полярников, а однажды дядя Яша был слоном, а она – дрессировщицей. Одной рукой сосед смешно изображал хобот, и всем было весело. Ещё дядя Яша умел готовить удивительно вкусную яичницу, такую даже мама не умела делать, о тётя Нелли и говорить не стоило. Правда, судя по её вечно угрюмому выражению лица, яичница у неё наверняка получалась кислой, словно её обильно полили уксусом.

ХЛЮП! ХЛЮП!

Однажды ночью в комнате соседей она услышала шум падающих стульев и какие-то крики. Потом пришли какие-то люди, и всё затихло и успокоилось. Правда, в коридор её ещё долго не выпускали, почти до самого обеда. Зато мама осталась в тот день дома и тётя Нелли тоже.

Уже потом, повзрослев, она узнала, что дядю Яшу отвезли в психиатрическую больницу. И, что приступы тяжёлой болезни с ним изредка случались.

Только непонятно, почему родители не боялись оставлять её с этим полусумасшедшим.

Но оно бежит сзади, оно не отстаёт... Интересно, способно ли оно мыслить. И, если да, то о чём оно там, сзади думает? О ней? Или тоже о какой-нибудь зверушке, с которой играл в детстве?

Да чёрт с ней, с этой зверушкой, если верить Фрейду, это сопливое рычащее чудище, которое пытается её догнать, в детстве наверняка пожирало живьём маленьких мышек. У неё

тоже был маленький хомячок, отец принёс его в дом, когда умерла мама, чтобы дочери было не так одиноко. Только кому было в тогдашнем одиночестве тоскливее – еще вопрос. Она часто разговаривала с хомячком, тот смешно её слушал, подойдя к прутьям клетки, и она с рук кормила его семечками. Она рассказывала хомячку, какой он красивый и ласковый, а отец в это время спрашивал из другой комнаты: «Это ты мне сейчас что-то сказала?». Нет, папа, не тебе... Увы, не тебе...

ХЛЮП! ХЛЮП!

Всё, пожалуй, это всё. Она даже не знает, куда бежит. Просто знает, что бежать нужно. Иначе кончится всё. Сначала силы, потом воздух в лёгких, потом вообще всё, и, собственно, нет в этом ничего, наверное, трагичного и противоестественного. Она в жизни тоже ела много говядины и свинины. А ещё она очень любила курицу, тушёную в духовке, её любила и умела готовить мама, а потом научилась и она сама. Курица была ароматной и вкусной.

И когда-то – живой.

ХЛЮП! ХЛЮП!

Ну, вот, уже вокруг всё кажется размытым и расплывчатым, всё уплывает куда-то, исчезает, пожалуй, уже навсегда.

Курица перед смертью наверняка видит что-то подобное.

Часть первая Уезжайте отсюда быстрее!

Глава первая

«А там ведь акулы...»

На стене подъезда было убедительно нацарапано: «Мишка – тварь». Хорошо, хоть без мата обошлись. Борис, конечно, знал этого самого Мишку, живущего на четвертом этаже, если это существование можно было назвать жизнью, и вполне достойного, с точки зрения большинства соседей, эпитетов куда более красочных. Человека, достигшего настенного подъездного увековечивания, звали, если верить паспорту, Михаилом Егоровичем, лет ему было, судя по всему, поболее пятидесяти, и образ его жизни был прост и растителен. С раннего утра он отправлялся на сбор пустых бутылок, менял их на сомнительное, но дешёвое пойло, и, если добирался до своего четвертого жилищно-коммунального, снова засыпал в родных стенах до следующего похода за стеклянной добычей. Нередко, правда, подъём на четвертый этаж был для него уже непосилен, и тогда он устраивался спать на ступеньках подъезда или лестничных площадках. Соседи поначалу пытались было поднимать его до родных дверей, потом жаловались участковому, потом вознамерились Михаила Егоровича даже бить, но все эти попытки оставались тщетными. Раз в неделю, а то и чаще, он в абсолютном бессилии засыпал именно в подъезде, и ладно бы засыпал – устраивал под собой бесстыдные лужи, которые, вероятно от употребленного пойла, были позловоннее кошачьих.

Правда, уже как с месяц «Мишку-тварь» никто из соседей не видел, ни в обыкновенно пьяном, ни в неожиданно трезвом виде, правда, запах в подъезде от этого не стал благороднее: то ли сосед оставил за собой след уже неистребимый, то ли местные кошки, почуяв исчезновение конкурента, стали наглее.

Так что всё равно, заходя в подъезд, Борис Комаров в глубине души с надписью на стене полностью соглашался, более того, он готов даже был добавить к ней кое – чего и похлеще, но останавливала некоторая внутренняя культура, а, в основном, если говорить откровенно, – стыд перед соседями, вдруг кто-нибудь из них его действия заметит. В том, что заметят обязательно, Борис несколько не сомневался. Например, Клавдия Ивановна из шестой квартиры на втором этаже, видимо, по причине возрастной скуки, словно круглосуточно дежурила у глазка двери собственного жилища. По крайней мере, стоило Комарову, возвращаясь с работы, подняться на этот самый второй этаж, соседка, приоткрыв дверь и предварительно вежливо поздоровавшись, произносила заговорщицким почти шёпотом примерно следующее:

– А вы знаете, Борис Валентинович, Нина Петровна из двадцать первой сегодня на сына так кричала, так кричала, когда он со школы пришёл...

– Значит, было за что, – отвечал Комаров, как можно спокойнее, – знаю я Петьку, на него не кричи – на шею сядет.

– Уже сидит, – соглашалась Клавдия Петровна, – а к Марии Андреевне вчера вечером такие гости приходили, что и описывать-то стыдно...

Ну, и так далее, пока Борис не скрывался этажом выше. Он несколько не сомневался, что и на его счёт для остальных встреченных соседей у обитательницы шестой квартиры были припасены свои мелкие гадости.

Поэтому, и в силу еще многих подобных причин, Комаров свой подъезд искренне ненавидел.

Правда, сегодня это не совсем благородное чувство в его душе почти отсутствовало, да и бдительная Клавдия Ивановна вряд ли бы могла Бориса перехватить (и точно не перехватила), поскольку на работу он в обычное время не пошёл, – отпуск ведь! – и спустился вниз по лестнице прямо-таки по мальчишески быстро, потому что находился в приподнятом настроении. Ещё бы не находиться, ведь он направлялся не в надоевшую свою контору рекламного агентства, а на железнодорожный вокзал. И не просто на вокзал поглазеть на прибывающие поезда или купить в киоске свежие газеты (с недавних пор Интернет напрочь заменил эту процедуру), он шёл покупать билеты.

Потому что они все: он, Светлана и дочка Маша, которая только что словно играючи на отлично закончила третий класс, наконец-то в первый раз за всю совместную жизнь отправляются на отпуск к морю. Знаковое событие, тут уж ни с чем не поспоришь, Борис, например, никогда туда не ездил вместе с отцом и матерью сразу, и дело вовсе не в том, что в семье был какой-то разлад. Наоборот, родители ссорились редко, хотя редко и совместно обедали и даже ужинали – работа была у каждого из них на втором месте после подрастающего сына. Поэтому и отпуска у них, если когда-то выпадали, то не совпадали хронически, так что общесемейной поездки к морю у них так и не получилось, и никогда не получится уже теперь.

Впрочем, в кассах выяснилось, что и отдых семейства Комаровых вполне мог оказаться под вопросом. Ещё подходя к окошечку (повезло ещё, что очереди почти не было – человека три-четыре), Борис почувствовал некоторую смутную тревогу. Он давно за собой заметил, что почему-то робеет в парикмахерской, фотоателье, на приеме у врача, – короче говоря, он терялся, когда приходилось отдавать какую-то частицу своей судьбы в чужие руки. Даже страх какой-то накатывал: вдруг врач обнаружит у него злокачественную опухоль, у парикмахера дрогнет рука и он поранит ему висок, а фотографии получатся удивительно уродливые, хотя и реалистичные. Так и в железнодорожных кассах: вот сейчас кассирша скажет, что билетов нет и не будет или не хватает какого-нибудь документа, чтобы эти билеты приобрести. И всё. И все их планы, все их радужные надежды, всё ожидание шашлыков на песчаном берегу и ловля крабов под подводными камнями, – это рухнет разом, словно карточный домик. Нечего собираться так поспешно и бесшабашно. А как было поступить иначе, если отпуск у него на работе – целая проблема? Заказы, клиенты, эскизы... Эта вереница не кончалась никогда. Это у Светланы отпуск гарантированно наступал летом, у школьных учителей иначе не бывает, хотя бы это было относительной привилегией в этой профессии. А у Бориса на работе всё зависело от росчерка пера шефа, и, когда этот росчерк на его заявлении наконец-то появился, нужно было не терять момент.

А момент не наступал. Кассирша и вправду сказала, что на ближайшие дни билеты на поезда в нужном направлении отсутствуют. Что поделать – своих поездов к морю в этом городе не было, оставалось ждать милости проходящих скорых и пассажирских, если там окажутся свободные места. Но, если сказать откровенно, никто их не освободит, выходя из вагона в этом городе, если поезд едет к морю в разгар летнего сезона. Можно было, конечно, полететь самолётом, вот авиарейсов до курортного побережья в городе хватало, но Светлана полётов боялась прямо панически. Можно подумать, кто-нибудь в её семье однажды разбился в авиарейсе, и теперь она регулярно в родительский или какой-нибудь ещё поминальный день приходит на кладбище к могиле этого несчастного человека, чтобы возложить цветы и поплакать. Борис всегда задумывался – а, собственно, ЧТО хоронят, когда речь идёт о жертвах автомобильных катастроф, которые ещё и сопровождаются пожаром или взрывом? Ведь там наверняка остаются только обгоревшие, черные куски тела, причём, тела, неизвестно чьего, настолько там всё перемешано. Там, наверное, и души перемешиваются, словно овощи в блендере.

Что ж, отсутствие билетов в кассе ещё не говорит о том, что их в природе не существует. Есть какая-то бронь, есть определённый запас для родственников, которым надо поспеть

к похоронам. Странно, для того, чтобы получить желанный билет гарантированно, нужно, чтобы кто-нибудь из родных умер или тяжело заболел. А если человеку необходимо порадовать живую родную дочь, которой едва исполнилось десять лет, тут возникают проблемы...

Ладно, придётся приступить к их решению. Всё-таки работа в рекламном агентстве предполагает наличие определённых знакомств. А у этих знакомых (например, у заведующего преуспевающей частной стоматологической клиники) наверняка есть свои, работающие здесь, на транспорте. И дальше по цепочке. Кто-то кому-то безболезненно запломбировал зуб – и можно ехать, куда угодно. Остаётся найти в сотовом телефоне соответствующие номера.

Борис вышел на улицу покурить. Теперь навалются новые заботы. Теперь он снова будет кому-нибудь обязан, и это потребует новых, отнимающих время, действий и, возможно, даже затрат. Вот почему бы им, связав Светлану и насильно усадив её в кресло самолёта, не полететь к морю обычным авиарейсом? Быстро и комфортно.

– Извините, сигареты у вас не найдётся?

Перед ним стоял человек в оранжевом жилете с метлой в руках – должно быть, местный дворник. Перрон подметает или привокзальную площадь. Не бомж какой-нибудь. И, если такой человек нуждается в обыкновенной сигарете, не внять его просьбе – это просто свинство.

Дворник принял сигарету с благодарностью, поинтересовался:

– К морю собираетесь? А билетов нет, да?

– На мне это написано? – удивился Комаров.

– Практически, да. Тут поневоле станешь физиономистом. А очень надо?

– Хотите продать по сходной цене? – огорчился почему-то Борис. – А, судя по речи, почти интеллигентный человек. Хрен с ним, давайте договоримся. Государственный строй меняется, а у вас всё по-старому.

– А у вас нет? – прищурился дворник, – Не надо мне от вас ничего. Просто сегодня ночью здесь пройдёт дополнительный поезд. Из Тотьмы. Именно к морю. Именно туда, куда вам нужно. И билеты на него есть, только в служебной кассе.

– Что-то я такой не видел. Воинскую видел, транзитную.

– Правильно, она на втором этаже, в другом зале. Там Эвелина торгует. Серьезная такая. На меня сошлётесь, если что. Собраться-то успеете?

– Захотят, соберутся, – улыбнулся Комаров, – спасибо вам огромное.

– Прямо-таки огромное? – тоже улыбнулся дворник, – Тогда можно ещё сигарету... Про запас, знаете ли... А море – это хорошо. Только... там ведь акулы встречаются.

– Что-то я не слышал про них у берегов Сочи, – протянул ещё одну сигарету Борис, – ещё раз спасибо, дня вам удачного...

На втором этаже в зале ожидания было практически пусто. В углу компания бородатых мужиков, обложившись рюкзаками, похоже, не только закусывала, но и распивала водку. Седовласый полковник отрешённо смотрел через окно на перрон. Были ещё какие-то одиночные пассажиры, но их Борис отчего-то не запомнил.

Служебная касса, судя по вывешенной табличке, и впрямь была, и находилась она тоже в углу, только в дальнем. И рядом с окошком абсолютно никого не наблюдалось. Что ж, попробуем отыскать эту Эвелину...

Однако неприятности продолжались. Едва Комаров двинулся к заветной цели, доставая на ходу бумажник и документы, как откуда-то появилась угрюмая уборщица со шваброй.

– Ишь, разбежался, – прикрикнула она на Бориса, – не видишь, полы тут моются. Успеешь к своему морю-то. Спешат, спешат... А там ведь акулы...

Дались им эти акулы. Выпивают они, наверное, с тем дворником вместе, оттого он вторую сигарету и попросил. Бабка ещё продолжала что-то ворчать, но Комаров, хотя и около стены, но всё-таки к кассе прошёл. Вот ведь прицепилась. Мужиков бы вон с водкой погнала. Ан нет же, нашла, кого послабее, интеллигентешку, с её точки зрения, занюханного.

Эвелина оказалась куда приветливее и культурнее. У неё были длинные чёрные волосы и ярко покрашенные губы. Не хватало только длинных накладных ногтей, но этому, наверное, просто мешала профессия – с клавиатурой на компьютере с подобным украшением общаться явно неудобно. Билеты нашлись быстро, безо всяких вопросов. Кассирша только поинтересовалась:

– А дочке сколько лет?

– В свидетельстве же указано. Десять.

– Очень даже подходяще, – отметила зачем-то Эвелина. – хорошего вам отдыха. А вы акул не боитесь?

Нет, с этими акулами тут был явный перебор.

Глава вторая.

Водка из прошлого

Поезд должен был прибыть в два часа ночи. Они приехали на вокзал в час – на этом настояла Светлана, сработала женская логика – мало ли что. Борис не стал возражать, потому что это было бесполезно – супруга, похоже, не доверяла не только лётным компаниям, но и российским железным дорогам, и все попытки это доверие хоть как-то укрепить натыкались на какое-то паническое неприятие. Впрочем, ему и самому не очень хотелось засиживаться дома, когда билеты уже в кармане, вещи собраны, и запасные ключи ещё с вечера отданы соседке. Поэтому они загодя вызвали такси (и оно приехало вовремя!), и спустились с дорожной своей кладью вниз в ночную прохладу, успешно миновав и квартиру Клавдии Ивановны (даже фурии иногда спят), и не совсем культурную надпись про Мишку. И таксист не надоедал расспросами или рассказами о собственной судьбе, не курил даже во время поездки, – словом, у Светланы не было абсолютно никакого повода для очередного нервного срыва.

Но счастье длилось только до вокзала. Стоило им зайти в пропахшее даже ночью беляшами здание и устроиться на свободных креслах зала ожидания, стоило Светлане в очередной раз проверить содержимое своей сумочки, карманов и прочих потайных мест, а Машке начать канючить насчёт мороженого или хотя бы «Сниккерса» (дома она их не ела, что ли?), как сонный голос дикторши-информатора объявил, что прибытие пассажирского поезда «Тотьма-Адлер» задерживается на полтора часа. Светлана тут же посмотрела на Комарова так, словно злополучный поезд задержал именно он. Дабы избежать новых обвинений, Борис объявил, что хочет пройтись, и поднялся на второй этаж вокзала.

Тут было почти всё, как и днём – бородатые мужики с рюкзаками негромко закусывали, полковник смотрел в окно теперь уже на привокзальную площадь. Разве что прибавилась какая-то цыганская семья во главе с крючконосой старухой, и, конечно, отсутствовала уборщица со шваброй – чего бы ей здесь в это время делать.

А вот касса была открыта, в ней горел свет и были раздвинуты шторы. Борис зачем-то подошёл ближе. Вместо Эвелины с ярко покрашенными губами за компьютером там сидела и, похоже, дремала невзрачная какая-то девчонка в домашней вязаной кофте бежевого цвета. И это было неудивительно – не век же красоте Эвелине здесь восседать, да и ночи у неё, скорее всего, были предназначены совсем для другого времяпровождения. Несколько насторожила табличка за стеклом. Нет, она была там же, на прежнем месте, и шрифт написанного на ней несколько не изменился. Вот только написано было на этой табличке не «Служебная касса», а «Касса возврата билетов». Судя по сонному состоянию девочки в бежевом, желающих откататься от поездки в эту ночь было очень мало. А надобность в кассе служебной отпала вовсе.

Интересно, – подумалось неожиданно Комарову, – а для кого эта служебная касса предназначалась вообще? Для железнодорожников? Так на первом этаже, – он ясно вспомнил, – активно работало такое же окошко с табличкой «Для работников РЖД»...

Воистину – не верь глазам своим. Может быть, и тому, что написано в билетах не верить? Вагон пятый, места такие-то. Это раньше на проходящих поездах места можно было занимать произвольно, какие найдёшь. Теперь цивилизация шагнула вроде бы дальше.

Однако, когда поезд наконец-таки прибыл (и не через полтора часа, а почти через три), когда Машка уже превратилась в сонную пластилиновую куклу, а Светлана, перестав ворчать, впала в молчаливую прострацию, выяснилось, что эта самая цивилизация все-таки шагала на железной дороге как-то выборочно. Уже в тамбуре стал ясно, что пятый их вагон, так же, вероятно, как и весь состав, хорошо помнит послевоенные годы прошлого века. Никакого пластика, даже ГДРовского, не было и в помине. То же самое наблюдалось и сумрачном коридоре. Хорошо, хоть вагон и вправду оказался купейным. И дорожки на полу лежали, правда, создавалось впечатление, что положили их здесь лет эдак пятьдесят назад и после этого где-то раз в месяц проходились по ним влажным веником, про пылесос тут как-то и не думалось.

Места их оказались в четвертом купе, где первоначальное впечатление ухудшилось ещё больше. Полки были деревянными! И столик оказался деревянным, и окно закрывалось на какие-то древние шпингалеты. Ещё наличествовали беленькие шторы на окне, на которых извилистой голубой линией были изображены, видимо, волны, а по ним плыл схематичного вида кораблик, разумеется, с пятиконечной звездой на парусе.

– Интересно, в каком бомбоубежище они этот состав дополнительный откопали? – хмуро поинтересовалась Светлана, но на дальнейшие упрёки её сил, наверное, не хватило. К тому же неожиданно быстро появился проводник с постелью. Вид он имел, конечно, заспанный, но зато был в форменном кителе. Тоже, правда, отнюдь не новом. Эдакий пенсионер-железнодорожник на подработке.

– Чаю не хотите? – поинтересовался он дежурно.

– Да какой уж тут чай, – махнул рукой Борис, – не удивлюсь, что он окажется каким-нибудь грузинским года выпуска эдак шестидесятого.

– Обижаете, – вздохнул человек в форме, – снабжение у нас вроде ничего. Да и пассажиров в вагоне почти нет.

– Что так?

– Да поезд-то сами видите, – не первой, как говорится, свежести. В расписании его нет. И потом – сядут ещё, станций впереди ещё много, везде тормозим...

Короче говоря, с чаем решили повременить. Машка уснула сразу, едва только постель постелили, Светлана ещё поворочалась, потом затихла тоже. Борис же полежал-полежал, и вышел в тамбур покурить. Что-то томило душу, что-то происходило не так, не в том формате, какая-то непонятная тревога накатывала. Уюта, что ли, не было в этом составе, особого какого-то пассажирского уклада. Впрочем, вполне возможно, что всё это – обыкновенная дорожная нервотрёпка, да ещё с непривычки, на поезде он не ездил давно, к тому же со всем семейством.

По пути в тамбур пришлось проходить мимо купе проводника. Дверь была приоткрыта, и Борис увидел, как старик аккуратно нарезал на столике сало, рядом лежали куски ржаного хлеба. Комаров хотел было прошмыгнуть мимо, но проводник словно почувствовал – быстро повернул голову, подмигнул пассажиру:

– А ты заходи, мил человек, заходи уж, раз не спишься. К морю едешь?

– К нему самому, – согласился Борис и зачем-то добавил, – акул кормить...

– Ну, тогда ехать ещё долго. Больше суток. Так что присаживайся, Борис.

– А как... вы...?

– Да в билете всё про тебя написано. Выпить хочешь?

– Если что, – заёрзал Комаров, уже устроившись на полке, – я могу у вас купить... Вы же, я слышал, промышленяете...

– Купит он. – проворчал старик, порывшись рукой на верхней полке под скрученными матрацами, – Меня, между прочим, Андреем Афанасьевичем зовут. Ты такой водки не купишь нигде уже... купит он...

Борис с удивлением заметил в руке старика бутылку, запечатанную самым настоящим сургучом!

– Рыковка. – пояснил Андрей Афанасьевич, – водка такая была, так её в народе называли. После Ленина у нас председателем совнаркома Рыков был. Большевики-то водку производить перестали, сухой закон ввели. А он, Рыков, снова её ввёл. И дешёвая она была, между прочим. А хлебом как пахнет....

– И когда она была произведена-то? Не отравимся?

– Сколько пью не жалуясь. Бабка у меня в ту пору завскладом работала. Ну, и припасла как-то. Ты сальце-то бери.

– Тоже, небось, со столетнего хряка?

– Нет, хряк свой, этого века... Давай-ка ещё...

Дали. Странно, как русского мужика тянет в поезде поесть и выпить. Да и не мужика только. Не успеем на полке устроиться – сразу яйцами, сваренными вкрутую, пахнет, курочкой, огурчиками. И тут же разговоры заводятся, целые исповеди рождаются. А что – попутчика своего ты можешь и не встретить больше никогда, да и он уже из твоего рассказа половину не запомнит.

Просидели они с Андреем Афанасьевичем недолго, но душа вроде успокоилась, и Борис со спокойной душой отправился спать – утро вечера мудренее.

Глава третья.

Машка пропала.

Проснулись они часов в одиннадцать. В вагоне и вправду было немного народа, по крайней мере, Комаров, отправившись умываться, натолкнулся только на крючконосую старушку цыганку, да в тамбуре курил один из бородатых, отрешённо поглядывая за стекло вагонной двери. Смотреть, правда, было почти не на что – за окном уныло проплывал однообразный пейзаж дремучего какого-то леса.

– Странно, – сказал Борис, – никогда не думал, что у нас по дороге к морю такие чашобы.

Бородач помолчал, потом затянулся сигаретой и пояснил:

– Мы по дополнительной ветке едем. Места тут глухие, это верно. Зато красивые. Мы тут часто отпуск проводим.

– И не опасно в такой глухомани?

– Опасно, – спокойно ответил бородатый, – но мы – люди тёртые. Да и вооружены неплохо, всё по закону. А так тут и медведи есть, и волки, и много ещё чего разного. Зато и отыскать можно что-нибудь редкое.

– Золото?

– И его тоже. Правда, везёт не всегда. А вы, значит, к морю?

Не хватало ещё, чтобы он про акул вспомнил... Любопытно, чего в этом лесу хорошего? Тропинок – и тех не видать почти. Если есть тут звери, они ведь наверняка где-то ходят. На водопой, например, на охоту, за травами разными. А человеку там чего делать? Мазохизмом отдаёт ситуация. Никогда Борису не по душе было увлечение каким-нибудь экстримом – то людей в горы тянет, то в пещеры какие-нибудь. И не боялся Комаров ни оползней, ни обвалов, ни белых альпинисток, для дураков выдуманных. Но жалко было. если что, жизнь свою отдавать за просто так. Вот за Машку, например, или Светланку, он бы рискнуть смог. На всё пошёл бы. Вот ведь, заберутся в голову мысли, не выгонишь. И что стоящего в этом лесу? Не парк ведь какой-нибудь, тут, небось, и лешие встречаются, и ведьмы всякие. Не зря же фольклор народный про них много всякого содержит. Интересно, станции тут какие-нибудь ожидаются? Или разъезды какие-нибудь?

Состав останавливался несколько раз, но стоял не больше минуты. Только часов в пять, ближе к вечеру, показался какой-то полустанок. Два деревянных домика, покрашенных краской непонятно уже цвета, вероятно, когда-то были служебными зданиями, но потом их местные люди, наверняка, бывшие железнодорожники, деловито обжили. Появились вокруг верёвки с бельём, конуры с собаками, даже телёнок вон какой-то на поезд устался. Жизнь невероятно скучная, неторопливая, и чего они отсюда не уедут? К морю дорога есть, что ещё надо? Из вагонов вышли такие же деловито озабоченные люди с кошёлками, сумками, один мужик даже мешок с чем-то тащил. А вот с полустанка именно в их вагон забрался только старикан во фланелевой рубашке в крупную клетку и каких-то нелепых штанах, сшитых, должно быть, из мешковины. Новый пассажир сразу прошмыгнул к Андрею Афанасьевичу, громко поздоровался. Видно, что они были хорошо знакомы. Небось, Рыковку хлещут на пару. И то видать – почти ровесники. Потом старикан, поглаживая окладистую бородёнку, скрылся в свободном купе.

Тут поезд медленно начал набирать ход, и безмянный полустанок поплыл за окном назад. Вот так и в жизни – только стоит чему-то свершиться, и этого уже нет. Уплыло в небытие. Или не в небытие, а сюда вот, на такие же полустанки, разъезды или полуразрушенные аулы где-нибудь в далёкой степи. Внезапно Борис увидел, как к составу неизвестно откуда подбежала женщина в пуховом платке. Это посреди лета-то! Глаза её были широко раскрыты. И так же широко раскрывая рот, она беззвучно что-то кричала – за стеклом вагона и стыками колес на рельсах ничего не было слышно. А поезд уже набирал ход, и ещё несколько мгновений, и этот крик тоже пропадёт в неведомом витке времени, растает в нём, исчезнет для Бориса навеки. Но в последнее из этих мгновений Борис всё-таки разобрал смысл её крика. Разобрал по губам женщины, которая, казалось, уже отчаялась ему что-то передать.

Она кричала:

– УЕЗЖАЙТЕ!!! УЕЗЖАЙТЕ, РАДИ БОГА!!!

И они уехали.

Старикан, устроившись, долго у себя не просидел, вышел в коридор, оправляя рубашку. Борис как раз проходил в своё купе. Дед его попридержал слегка, сказал весело:

– А денёк-то хороший выдался нынче! Солнце прямо плескало с неба.

– Да отсюда не видать, крыша над головой.

– И хорошо, когда она над головой есть, человеку без крыши трудно.

Так. Ясно. Попался в соседи эдакий престарелый балагур, который обо всем готов поболтать безо всякого для себя затруднения. Зато другим такие стариканы могут доставить массу беспокойства. Говорить может прямо-таки до опупения. Возможно, в юности он был алкоголиком, и дрался в сельском клубе, а теперь вот стал почти праведником, хотя Рыковку наверняка потребляет.

Опасения оказались не напрасными. Старикан, которого, как выяснилось, звали Клим Устинович ухитрился довольно быстро покорить Машу, а потом и Светлану. Такое повышенное внимание к дочери он объяснил, что у самого дома растут две внучки, гостят всё лето, и он по ним сильно скучает. Так что уже через некоторое время супруга Бориса отправилась с Машкой в купе к назойливому старикану в гости, где он принялся угощать всех травяным чаем из термоса. Присоединился к компании и Борис, делать всё равно нечего. Неожиданно выяснилось, что Константин Устинович – ещё и большой любитель карточных игр, у него даже колода оказалась. Уважая невысокую в этом деле квалификацию Светланы, решили сразиться в кинга – так называемый дамский преферанс. И – понеслось, к некоторому неудовольствию Машки, но, даже играя, неугомонный старикан продолжал рассказывать весёлые истории.

А потом все как-то разом захотели спать, даже дочь. Разве что Клим Устинович продолжил находиться в настроении приподнятом. Но Комаровы отправились-таки в своё купе, где Машка опять заснула сразу.

За окном темнело. Это ощущение темноты усугублял еще высокий и старый лес, в котором, казалось, не было ни ветерка. Свет с супругой они решили пока не включать, чтобы не будить Машку, так и сидели в опускающейся темноте и смотрели в окно, где уже почти ничего не было видно. Только проплывали огромные тени деревьев.

– Ты в детстве боялся темноты? – поинтересовалась Светлана.

– Не всегда, – улыбнулся Борис, – помнится, однажды я посмотрел с отцом кинофильм «Всадник без головы». До сих пор помню зловещую музыку оттуда и этого самого всадника. Мне всё чудилось, что он где-то рядом, чуть ли не в спальне.

– А я маленькая вообще со свечой ночами в туалет вставала. Всё мне казалось, что кто-то в квартире ещё есть.

– А сейчас так не кажется?

– Здесь, в купе? – Светлана задумалась, – только в этом поезде есть что-то... злое, что ли.

И проводник этот...

– Да неплохой человек, мы с ним поговорили, посидели...

– Утром я по запаху чувствовала, как вы посидели. Все они тут какие-то странные. Цыгане, полковник этот...

– Какой полковник? А, вспомнил, я его в зале ожидания видел. Вот уж ему-то, как я понимаю, не до кого. Похоже, у него беда какая-то случилась...

– И вот, что ещё, – Светлана совсем посерьёзнула, – поезд у нас из Тотьмы, так?

– И что?

– А то, что была я в этой Тотьме в молодости. На соревнования по волейболу от института ездили. Так вот, нет там никакой железной дороги. И железнодорожного вокзала нет. Только автобусный...

– Может, построили?

– Может быть. Только ты же знаешь, что у нас в стране в последнее время со стройками – напряг...

Ну, напряг напрягом, а спать тянуло сильно. Оставив выяснение насчёт Тотьмы наутро, Комаров завалился на свою полку и тут же окунулся в сон.

И снилась ему всякая, как казалась тогда, ерунда. То догоняла его женщина в пуховом платке, догоняла уже в коридоре вагона, хватала за руку и всё так же беззвучно пыталась о чём-то предупредить. То проводник принимался угощать его своей Рыковкой и была она уже не прозрачного цвета, а красновато-бурого, словно свернувшаяся кровь. И на вкус отдавала мясом говядины, и пахла так же, но гостеприимный Андрей Афанасьевич, хитро прищурился, только подливал ещё и упрямо твердил:

– Напиток-то отменный, нигде такого не отведаешь. А большевики его страсть, как любили, особенно Ленин.

Потом и этот самый Ильич появился и стал просить, чтобы его вынесли из мавзолея, потому что там холодно.

– А ещё, – добавил он, картавя, – всем я скажу, что Бога нету. Хотя, батенька, я его как тебя, видел. И он сказал. Чтобы я всем пег-г-гедал, что его нет...

Следом пошли картинки ещё хуже. Внезапно Комаров обнаруживал (и так несколько раз), что Маши в купе нет, а вместо неё на нижней полке храпит всё та же женщина в пуховом платке, и в руке у неё почему-то зажата вилка. И вроде бы Борис со Светланой бросаются искать дочь по вагону, заглядывая в каждое купе, но вагон оказывается длинным невероятно, и до противоположного тамбура они никак не доберутся. Зато в следующем же купе, где играли они с Климом Устиновичем в дамский преферанс, лежат четыре покойника, причём, все они уже облачены в строгие костюмы и прочее для погребения, только у одного мертвяка, который на нижнее полке, нет ботинок, а на правом носке отчётливо видна дыра, из которой торчит грязный нестриженный ноготь.

И тут Борис проснулся. Проснулся оттого, что поезд остановился. Он зажёл ночной свет над головой, глянул с полки вниз, и сердце подпрыгнуло куда-то к горлу.

МАШИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НЕ БЫЛО НА ЕЁ ПОЛКЕ!

Ладно, хотя бы одно со сном не совпадало – не храпела там, внизу, женщина в пуховом платке с зажатой в руке вилкой. Правда, от этого легче не было. Ещё не решаясь тревожить жену, которая мирно посапывала на своей полке напротив машиной, он осторожно спустился, тихо открыл дверь купе и направился к туалету. Всё в порядке, всё хорошо, должно быть, просто дочери понадобилось туда среди ночи, такое у детей бывает, и сейчас они сонно наткнутся друг на друга в коридоре этого проклятого вагона, и можно будет спокойно спать дальше, поскольку за окном – всё тот же лес, и никакого моря пока не предвидится.

Но дверь туалета оказалась незапертой. Там скверно пахло и было тревожно пусто. И за окном был вовсе не лес, а опять какой-то полустанок. Уже бегом возвращаясь назад и повинуясь какому-то смутному влечению, Комаров дернул ручку двери купе, где должен был почивать Клим Устинович, но старикана там тоже не оказалось. Более того, купе выглядело так, словно никто его и не занимал никогда, матрацы лежали свёрнутыми на верхней полке, а коричневые деревянные полки были голыми и нежилыми.

Потом была разбуженная Светлана, пьяный и не желающий просыпаться Андрей Афанасьевич, тщетные поиски по всему вагону, который оказался совсем не удлинённым, а обычным, напрасное желание найти начальника поезда или какого-нибудь транспортного полицейского («Откуда ж им всем тут быть-то?», – это проводник), и, наконец, обнаружение того, что вместе с Машей пропала и сумка с её вещами.

А поезд всё стоял. Словно ждал, когда поиски закончатся, и они сойдут на этом дурацком безлюдном полустанке.

И они сошли. Сошли, потому что на тревожный шум выглянул один из бородачей и спокойно сообщил, что видел, как Маша выходила из вагона вместе с Климом Устиновичем.

– Я как раз курить собирался, – рассказал очевидец, – смотрю, а они к выходу идут. Девчонка ваша ещё сонная была какая-то. Я подумал, что вы – с дедом этим вместе, в карты-то вон как резались...

Светлана после этих слов буквально завывала.

Едва они сошли, наскоро собрав вещи, как поезд тронулся.

Полустанок встретил их ночной тишиной, безлюдьем и облезлым плакатом неподалёку от железнодорожных путей. На нём красноречиво значилось:

ВАМ ЗДЕСЬ НЕЧЕГО ДЕЛАТЬ!

Да, – подумалось, – сюда бы ещё череп и кости...

Единственное, что обрадовало – в свете единственного здешнего фонаря они заметили фигуру человека с дорожной сумкой. И человек этот оказался полковником из их вагона. Правда, ничего насчёт пропавшей дочери он сообщить не смог, к обветшалому зданию, бывшему, вероятно, когда-то местным вокзальчиком, никто не подходил, вероятно этот самый сумасшедший (в этом Борис не сомневался) Клим Устинович повёл дочь сразу в сторону леса.

– Ну, надо же найти здесь телефон, рацию, полицию какую-нибудь, – всхлипнула Светлана, – кто-то же здесь есть!

– Здесь? – угрюмо сказал полковник и показал сигаретой на невзрачную, еле заметную табличку на здании бывшего вокзальчика. – Разве тут что-то может быть?

На табличке (вероятно, это было название полустанка) красноречиво значилось всего одно слово:

ОМУТЫ

– Хрень какая-то, – выругался Борис, – это что, предупреждение? Как там, на плакате?

– Насколько я знаю, – всё так же угрюмо произнёс полковник, – это – название данной станции. И, скорее всего, и местности этой. Позвольте отрекомендоваться. Зовут меня Валерий Николаевич. И, похоже, у нас теперь с вами – одинаковые проблемы...

Глава четвёртая

Ночь с бомжом

Внутри вокзальчика, как и ожидалось, почти никого не было. Почти – потому что на одном из редких местных полуразвалившихся стульях дремал неопределённого возраста бомж. Появление Комаровых с полковником его нисколько не удивило, он просто приоткрыл глаза, осмотрел всех мутным взглядом и снова впал в некое подобие нирваны.

– Хорошо тому живется, – вздохнул полковник, – у кого ничего нет... Надо бы утра дожждаться, может, придёт кто.

– Да нам дочь искать надо, – почти крикнула Светлана, отчего бомж опять слегка пошевелился, – а вы ждате предлагаете. Чего? Кого? Надо старика этого искать... Вот мне бы его найти только. Я бы его скелет на составляющие разобрала. На очень мелкие. Очень-очень...

– Идите, разбирайте, – Валерий Николаевич не выразил никаких эмоций, – только куда? Как военный человек (уж позвольте мне этим немного погордиться) я уже успел провести некоторую визуальную оценку местности. И вполне обоснованно заявляю – жильём здесь и не пахнет. По крайней мере, в радиусе километра. Один лес кругом. И куда вы по этому лесу в темноте пойдёте?

– Так ведь дед этот Машу нашу куда-то повёл!

– Судя по всему, он человек местный. И пройдёт тут везде с закрытыми глазами. И спрячется тоже, уж вы поверьте, да так спрячется, что вы рядом в полуметре пройдёте, и ни его не заметите, ни дочери.

– Ну, она нас хотя бы увидит, закричит...

Борис вспомнил, что бородач рассказал о том, что Машка, когда её уводили, была почти в полусонном состоянии. Верно. Иначе бы она просто так от родителей не дала бы себя увести. Да и сами они хороши – не услышали. Как дочь будят, в дорогу собирают. Спали, как убитые. А, собственно, от чего их так сморило-то? Эх, не зря старикан этот их чайком из термоса поил... На травках... Видно теперь, на каких травках... И как-то ведь Светлану убедил испить напитка своего, а та чужих продуктов старалась не употреблять, и вообще к незнакомой пище относилась с подозрением. Это у неё с того пошло, как брат её Семён шашлыком отравился, две недели в больнице мучился, а потом умер. Борис эту историю хорошо помнил, хотя они со Светланой в ту пору ещё друг с другом только познакомились. Но так уж вышло, что пригласила его как-то будущая супруга на дачу, именно на этот самый злополучный шашлычок, и младший её брат Семён в компании тоже присутствовал. Хорошо, хоть Светкины родители там в тот момент не было, теща Анжела Сергеевна и сейчас-то в обморок падает, если страсть какую-нибудь по телевизору увидит, а уж если бы она присутствовала при начале мучений сына... В общем, съели они этот шашлычок, винцом сухеньким запили, компания была весёлая – друзья Светкины, соседи по даче. Гитара даже появилась. За общим дружным гамом не сразу и заметили, как несчастный Семён этот, худенький, отчего-то всегда бледный мальчишка, вдруг побледнел ещё больше, застонал и побежал в заросли малины, где его начало безудержно рвать.

Прибывшая на дачу бригада «Скорой помощи» была оптимистична по причине почему-то не совсем трезвого состояния доктора. Сходу определив, что другие участники застолья чувствуют себя нисколько не плохо, даже наоборот, он предположил, что, вероятно, «юноша перебрал спиртного, самогонки какой-нибудь, а шашлык тут не при чём». Семёну, между тем становилось всё хуже. Несмотря на то, что окружающие уверяли, что никакого самогона за сто-

лом не было, нетрезво самоуверенный доктор приказал срочно принести ведро воды, и эту самую воду с помощью воронки и специального шланга методично вливал больному в желудок, отчего пострадавшего рвало ещё больше.

– Промыли мы его, – удовлетворённо заключил врач после экзекуции и дежурно поинтересовался:

– Госпитализировать будем?

Светлана решила было на это согласиться, но несчастный Семён посмотрел на неё каким-то пронзительно кротким взглядом и попросил:

– Не надо. Мне уже лучше. А так, если что... уж лучше дома...

К утру ему стало намного хуже, и увезли его в больницу уже безо всяких советов с родственниками, а из больничной палаты он уже не вернулся домой никогда.

С тех пор, отчётливо запомнив это самое «уж лучше дома» Борис никогда не верил заверениям близких об улучшении их самочувствия во время болезни, и настаивал всегда на лечении полном и кардинальном. Слава Богу, домашние болели редко, даже мнительная Анжела Сергеевна, у которой любая болячка стремительно якобы развивалась с того момента, как её подхватывал кто-нибудь из соседей или знакомых.

Борис вышел на улицу покурить. Светлану сейчас лучше не успокаивать, будет только хуже.

Надо было бы местным жителям написать на том облезлом плакате:

УЖ ЛУЧШЕ ДОМА!

И никто бы на этом полустанке из поезда не выходил. А Машку нужно искать, в самом деле. Только где? У кого? Они ведь даже фамилию этого самого Клим Устиновича не знают. Ещё в поезде перед уходом, Комаров вспомнил, что старикан по-приятельски заглядывал к проводнику. Но тот, несмотря на угрозу физического избиения, божился, что Клима этого знает исключительно, как частого пассажира и собутыльника. Может, и лукавил Андрей Афанасьевич, но разбираться было некогда – поезд того, и гляди, тронется. А теперь расспросить было и вовсе некого.

Итак, если не шашлычок виноват, тогда что? То есть, если возможности искать сейчас Машу нет никакой, тогда – что делать? Сотовый телефон, как и ожидалось, не работал. Местных жителей окрест – никаких. Такое впечатление, что находятся они у входа во что-то тёмное и неизведанное, и ночь эта никогда не кончится, и вокзальчик этот – единственное строение на этой земле. Ничего уже больше не изменится. Может, они все умерли?

Однако, вернувшись в помещение, Комаров заметил некоторые перемены. Во-первых, ожил бомж, во-вторых, успокоилась, смирившись с неизбежным ожиданием, супруга. Или она просто находилась в каком-то душевном опустошении, но всё равно это было лучше бесполезных истерических вопросов.

– Его, – кивнул на бомжа полковник, – зовут Гриша. Фамилия ещё смешнее – Коркин. Он тут не живёт, просто ночует иногда.

Бомж радостно закивал, но не произнёс ни слова, словно полковник переводил на русский язык его речь с какого-то иностранного языка.

– И ещё он говорит, – продолжил Валерий Николаевич, – что утром сюда придет бабка Ульяна мыть полы.

– Зачем? Тут же, судя по всему, не работает никто. И давно.

– Но бабка Ульяна-то работает. И каждый день полы моет. Аккуратно так, тряпочкой на швабре.

– И ей за это зарплату платят?

– Гриша говорит, что ей за это на поезде привозят продукты. Натуроплата, одним словом. И сегодня ночью тоже привезли. Так что она придет обязательно.

Борис хмыкнул:

– А что же этот Коркин передачку-то эту себе не присвоил? Судя по образу его нелёгкой жизни, совесть его за такие поступки вряд ли мучить будет...

Бомж изобразил негодующий всплеск руками, но полковник быстро внёс ясность:

– А вон там в углу видишь, что такое? Поди и не знаешь, что это за штука. А штука эта, точнее, их тут целый ряд – автоматическая камера хранения. Их без шифра не откроешь. Как сейф. Раньше они на каждом вокзале стояли. И агрегат этот по надежности сейфу немногим уступал. Если пассажир, конечно, в качестве шифра день и дату своего рождения по глупости не набирал. Или того хуже – номер дома и квартиры. Оставалось только паспорт у него в зале ожидания свистнуть, хотя бы на время. Так, Коркин?

Бомж отчего-то радостно кивнул и, наконец, произнес фразу:

– Лопухов много. А шмотья всякого раньше везли пропасть.

Голос у него был неожиданно высоким, почти писклявым.

Решили дождаться бабушку Ульяну, тем более, приходит она, как пояснил Гриша, практически засветло:

– Не спится старой тараканихе. Старые кости, видать, ноют. И меня выгоняет. Если, говорит, никуда не едешь, нечего здесь и ночевать. А кто тут ездит вообще?

– А на замок она вокзал не закрывает?

Бомж вздохнул и принялся терпеливо, с паузами объяснять, словно учитель первоклашкам:

– Начнём с того, где бы тогда ей продукты оставляли? Не на улице же. Тут зверьё шастает, люди всякие... И потом – замка в двери уж несколько лет, как нет. Спёр кто-то.

– Так прямо и кто-то, – скупое улыбнулся полковник, – иди уж, Григорий, досыпай своё, а мы пока поболтаем. Хочешь бутерброд? У меня есть.

– И у нас кое-что, – вставила Светлана, – только насчёт выпивки – извините... С ребёнком ехали. Зачем пример подавать? Насмотрится еще.

– Это верно, милостиво принял извинения бомж, – пока жизнь к тебе задом не повернулась, не хрен её тормозить...

– Да вы, батенька, философ, снова развеселился полковник, – небось, в прежней жизни художником были или журналистом. Или, чего хуже, стихи пописывали.

Гриша поднялся, взял стул и потащил его в дальний угол зала. По дороге скупое обронил, вроде как даже обиженно:

– Водителем я был. При колхозном председателе. Нивы сжаты, рощи голы, как говорится. Потом он проворовался, ну, и меня... до кучи.

– А колхоз-то далеко отсюда был?

– Да на псковщине. Далеко отсюда.

– А сюда-то как попал?

– Думаешь, я помню? – почти зло ответил Коркин и зашаркал в свой угол, попутно надкусывая полковничий бутерброд. Видно было, что воспоминания ему особой радости не доставляли. Впрочем, они и вполне интеллигентным людям по душе приходится отнюдь не часто.

– Слушайте, Валерий Николаевич, – обратился я к полковнику, – а что это вы там такое говорили насчёт нашей общей проблемы? Вас-то что именно сюда занесло?

– То же, что и вас, – ответил он после некоторого молчания, – Дочь у меня здесь пропала. Правда, уже взрослая – двадцать лет недавно исполнилось...

Глава пятая.

Рассказ полковника

– Полковниками даже в нынешней армии сразу не становятся, всё ещё с военного училища начинается. Вы уж извините, что я так издаю, но без этого как-то неполно будет.

Потом, после училища – гарнизоны, переезды, служить приходилось по всей России, и даже в Монголии. Женился я поздно, так уж вышло, когда из этой самой Монголии перевели меня на Алтай. Не буду говорить, в какой я тогда состоял службе, только была она у меня, скажем так, не совсем обычная. Вы, если не бывали в тех местах, то про них, конечно слышали. Там вроде и энергия в некоторых местах сумасшедшая, и явления атмосферные странные, и раскопки древние, и травы целебные растут такие, которых в других местах нету.

На этом месте Валерий Николаевич снова позволил себе подобие улыбки и неожиданно произнёс:

– Так я и стал травником. Да вы не удивляйтесь. Там вот эта алтайская экология, что ли, много чудес создаёт. А где чудеса, там у нас что? Правильно, умные люди, учёные, потом энтузиасты-самоучки в качестве туристов, придурки всякого рода, которые абсолютно уверены в существовании Шамбалы, ну, и корыстные люди, в том числе и из враждебных в политическом отношении к нам стран. Да вы, Светлана, не улыбайтесь, знаете – даже Гитлер в те места секретную экспедицию снаряжал эту самую Шамбалу искать. Ну, и за всем этим процессом как-то ведь наблюдать надо, так? С государственной, так сказать, точки зрения. Вот меня и внедрили на свою же российскую территорию в качестве разведчика. И стал я не майором (а потом и подполковником) войсковым, а обыкновенным, чуть тронутым, учёным гербологом. Кое-что, правда, подучить пришлось, даже Аюрведу штудировал, но, в конце концов, мои постоянные экспедиции на Алтай никого уже там не удивляли. И для всех: и для правда исследователей, и для придурков, и для агентов иностранных, я вроде как стал своим и без подозрений.

– А они были? – перебила рассказчика Светлана.

– Кто?

– Агенты иностранные.

– Разумеется. Только это к делу не относится. Так вот, ездил я туда часто, с людьми общался, узнавал-записывал, а семья-то на Урале осталась. Мы уже тогда туда переехали, в небольшой гарнизонный посёлок под Челябинском. Скучал я, и они скучали. Лето, например, пора отпусков, а у меня на Алтае – самый наплыв придурков да агентов. Вот я испросил разрешения дочь-старшеклассницу с собой на это время брать, каникулы же. Опять же – легенда подтверждается, семейный человек меньше вызывает. Жили мы в маленькой гостинице в горах, там этих гостиниц полно, и частных, и государственных, и просто подпольных. Есть спрос, как говорится, будет и предложение. А спрос был. И это при том, что сначала нужно было добираться до Барнаула, потом до посёлка одного часа три стареньким автобусом, а потом – сто восемьдесят км между горами, плато всякими, озёрами – это уже на попутке. И это хорошо, если легковушка попадётся, а то и на грузовиках трястись приходилось. Местные – они всё больше на лошадях. Так вот, дочь моя Таня, старшеклассница, приехала ко мне через всю эту антицивилизацию, ну, и поневоле за мною по горам травы рассматривать ходила, собирала кое-что, с местными старожилками на этот счёт общалась. А трав на Алтае, между прочим, больше двух тысяч названий, и семьсот из них считаются целебными. А облепиха тамошняя – вообще клад. Ну, я отвлёкся. Так вот, там Танюшка моя этими травами, что называется, и заболела. Да так, что после школы в Барнаул уехала учиться на фитотерапевта. Выучилась, значит, домой вернулась, а кому у нас, в гарнизонном захолустье, специалисты по травам нужны? На весь посёлок – одна аптека, и в той вакансии на десять лет вперёд расписаны. Вот она в Челябинск и устроилась просто фармацевтом, и то спасибо добрым людям, как говорится. Жила там на квартире у тётки одной, на выходные к нам приезжала. Всё, вроде, хорошо, но с личной жизнью у неё что-то не получалось, скромная больно, да и с работой не совсем хорошо выходило. А три месяца назад приезжает она домой весёлая такая. Окрылённая прямо. Говорит: работу нашла по специальности. Правда, в Волгоградской области, но зато старшим специалистом – гербологом в лаборатории. И зарплата большая. Контракт на год под-

писала. Квартиру сразу дают, служебную правда, зато благоустроенную. И не одна она туда завербовалась, а с подругой из аптеки, с Анюткой, я её видел пару раз. Ну, мать поплакала, я поворчал, потом решили – да пусть едет, вдруг жизнь наладится. И судьбу, может, свою найдет. Одно насторожило: не сказали им пока, где эта лаборатория. Мол, военная она, засекреченная. Ну, в конце концов, я сам – человек служивый, знаю, что это такое. Тем более, что пообещала она, что, как доберётся, сразу позвонит, а, может, прямо из поезда, когда узнает, куда их везут. Так и случилось – позвонила она через день, рассказала. Что автобусом их довезли до вашего как раз города, а оттуда поездом поедут они на станцию с названием «Омуты». Ну, вот., собственно, и всё. Остальное вы можете себе представить. Два месяца она не звонила и не писала. Я ещё жену успокаивал – дело, мол, секретное, военное, наверное. с почтой и связью туго, у меня же тоже иногда так было. Потом и я не выдержал. Пошёл к военкому. Тот слыхом не слыхивал про завод этот. Но запрос в Волгоград послал. Ответ оттуда пришёл быстро – ни про какие Омуты и ни про какой секретный проект они знать не знают. Я – в полицию, пропал, мол, человек. Те до сих пор ищут. Я – в Челябинск, в управление железной дороги. Там тоже отвечают: нет в России такой станции! Я чуть с ума не сошёл. Поехал в ваш город. Тут никто в отделении дороги про такую станцию тоже не слышал. И вдруг на вокзале я встретил...

– Дворника! – почти закричал Борис, – в оранжевом жилете! И он попросил у вас сигарету. А потом взял ещё одну

– Две, – поправил его полковник ошарашено, – он взял ещё две... И попросил закигалку... прикурить...

Глава шестая.

Агр

С утра птицы в лесу распелись прямо-таки с весенним задором. Ни заботы, ни труда... Вон, как у Коркина. Борис немного даже ему позавидовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.